

Мс Мария
Метлицкая

Вечнозеленый Любочкин

Мария Метлицкая

Вечнозеленый Любочкин

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34327761*

Аннотация

Самое страшное в жизни – одиночество. Это Любочкин знал не понаслышке. Знал, что такое – когда никто к тебе не придет, не поинтересуется, как дела и здоровье. Виноват ли он был в том, что оказался никому не нужен? Может, и да. А может, просто не везло. Ведь несколько раз пытался создать семью – но не получалось. Было в нем что-то детское, инфантильное. Всю жизнь ждал, что счастье ему принесут на блюде с каемочкой.

А оказалось, чтобы стать счастливым, надо просто повзрослеть и не ждать счастья, а искать его. И тогда оно обязательно найдется.

Мария Метлицкая

Вечнозеленый Любочкин

Любочкин проснулся среди ночи, открыл глаза и испугался – господи, вот ведь со сна! Забыл, что вчера загремел «под панфары». Уличный фонарь светил желтым светом прямо в глаза, и он сел на кровати, свесив худые, мосластые ноги.

В палате стоял мощный храп. Рулады раздавались со всех сторон и разнились мощностью, «мелодиями» и интервалами.

Пахло лекарством и мокрой мешковиной. Любочкин поморщил нос, нашарил под кроватью тапки, встал, подтянул «семейники» и пошел к двери.

Дверь была приоткрыта, и он выглянул в коридор. В коридоре было темно и тихо, только в конце, у входной двери, мерцала тусклая голубоватая лампочка.

Он постоял, раздумывая, и вдруг почувствовал такой голод, что у него закружилась голова.

Вспомнил – вчера не обедал и даже не ужинал. Утром, дома, съел два яйца и выпил пустого чаю. Сахара в доме не было, а просить у соседа совсем не хотелось.

Он громко сглотнул тягучую слюну и двинулся по коридору. Шел на запах – невнятный, почти неслышный, но все же уловимый голодным человеком.

На двери было написано: «Буфет».

Он толкнул ручку, и дверь открылась. На столе, положив

голову на полотенце, спала женщина. По плечам видно – крупная. Она подняла голову, протерла глаза и, увидев Любочкина – в черных трусах по колено, в голубой застиранной майке, в больничных тапках на три размера больше положенного, – рассматривала его пару минут, потом, широко зевнув, хмуро спросила:

– Не спится? Шляются тут... по ночам!

Любочкин потер ногу об ногу, пригладил от смущения свой редкий чубчик и радостно кивнул.

– Не спится, ага! – А потом как можно жалобнее заканючил: – Есть охота! Сутки не ел. Вы уж, уважаемая, простите, но... Нет ли у вас чего?

Женщина что-то пробормотала, опершись руками о стол, тяжело поднялась и подошла к холодильнику.

Вытащила блюдце с кубиками сливочного масла и с полки достала батон.

– Садись, – приказала она, – есть вот еще печенье.

Любочкин уселся на табуретку, нарезал батон, положил на него масло и попросил:

– А чайку? Не найдется?

Буфетчица снова вздохнула и пошла к титану.

– Найдется. Горе ты луковое!

Чай был совсем не горячий, но сладкий. Любочкин жевал хлеб с маслом и запивал его сладким чаем. Три куска с маслом, три печеньки, и – жизнь хороша!

Он расслабился, прислонился к стене и, погладив себя по

тощему брюху, счастливо сказал:

– Хорошо! – И тут же добавил: – Спасибочки вам огромное! Сразу видно – хороший вы человек. И женщина добрая.

– Иди уж, – махнула рукой «хороший человек и женщина добрая» и, глянув на часы, добавила: – Иди уж, поспи. Третий час! А в шесть они все... Забегают, загомонят. Не поспишь, – вздохнула она. – Больница!

Он кивнул, прикрыл дверь и поспешил в палату. В палате по-прежнему стоял мощный храп.

«Наелись, – раздраженно подумал Любочкин, – котлет с макаронами – вот и храпят, черти пузатые!»

Покрякивая, он залез под жиденькое одеяло и закрыл глаза. Пару раз зевнул, повернулся на бок, накрылся с головой от назойливого фонаря и уснул.

Николай Любочкин проживал свою жизнь... беззаботно. Смолоду казалось, что весело. А потом вдруг дошло – совсем ведь не весело, а даже очень, можно сказать, грустно: к сорока семи годам – ни семьи, ни кола ни двора. Какое уж тут веселье! Расплата – так обещала его жена Светка. Первая жена. Так и говорила – за все, Любочкин, есть в жизни расплата! Как угрожала. Оказалась права...

В столицу Любочкин заявился давно, лет тридцать назад. Приехал из деревни и стал лимитой. Пахал на заводе, тяжело пахал. Жил в общежитии. Потом надоело, и устроился в жэк. Сантехником. Дали комнату на первом этаже, служебную. Пока пашешь – живи. А уволишься – вон.

На чай давали, кто рубль, а кто трешку – что говорить. Да и халтурки разные – у кого что. Деньги-то были, а вот отложить не умел – что заработал, то и спустил. Пил умеренно, алкашом не был. В кабаки не ходил – стеснялся. И куда они улетали, деньги эти? Да, наверное, не деньги то были – так, деньжонки.

Соседка была хорошая – дворничиха Валида. Хорошая баба, все подкормить его пыталась – пекла хорошо. Татары, они с тестом умеют. То беляшей напечет, то эпочмаки, то хворост сладкий, то чебуреки.

Веселая – глазами черными сверкает, смеется. Он шутил: – Пойдешь за меня, Валидка?

А та отвечала:

– Нельзя нам. За своего пойду. Мамка из деревни пришлет – подобрала уже. Пишет – кудрявый! – смеялась Валида.

– Ну и ладно, – миролюбиво соглашался Любочкин. – Жди своего кудрявого!

Корешками, конечно же, обзавелся – тоже из родного жэка. Электрик Краснов и лифтер Кононенко. Все холостые. Как говорил Кононенко – пока! И мечтал, что найдет себе «спутницу» и заживет.

– Человек семейный, – говорил Кононенко, – это уже человек! А так мы – никто. В смысле – без бабы.

– А где ее взять, жену-то? – спрашивал Любочкин. – Ну, такую, как ты говоришь, чтоб надежная!

Кононенко сдвигал светлые брови и отвечал:

– Где? Да где ума хватит – там и ищи!

Скоро женился. Нашел себе под стать – тоже серьезная, крупная, белобрысая. Словно сестра Кононенкина. Повариха в столовой. Ходили они под руку, важные, как два гусака. Жили, по всему, хорошо – Кононенко поддавать перестал и в козла во дворе не стучал. А все ходил встречать свою Зину после работы – понятно, сумки тяжелые, как допереть?

Краснов все вздыхал и Кононенко завидовал – такую бабенку хохол отхватил! Не похудеет!

Краснов все мечтал взять жену из «жильцов». Из контингента, как говорится. Чтоб сразу с квартирой. Не получалось. Не хотел «контингент» красавца Ваську Краснова, ну хоть ты тресни! Обхаживал одну одинокую, а она потом хлоп – и замуж. Да еще и за дипломата – так говорили.

– Бери по себе, – учил его Кононенко, – а на чужих не заглядывайся. Не твоего поля ягода!

Ан нет, не послушался Вася и все же жену «подобрал». С квартирой. Только жена эта была... На десять лет старше. И с лица такая... Унылая. А все молодилась, за мужем гналась – губищи накрастит, волосья начешет и юбку по пуп. Смешно! Васька идет рядом и глаза от людей отводит – стыдно. А потом загулял. А баба его пить начала – с горя, конечно.

К двадцати шести годам и Любочкин решил – пора! Хорош бобылем. И присмотрел – в соседнем гастрономе. Она на сырах стояла – высокая, тощенькая, остроносенькая. Во-

лос кудрявый – наверное, с бигуди. Звали Светланой.

Познакомились, то да се, поболтали. Оказалось – своя, деревенская. Из-под Тамбова. Жила в общежитии. Погуляли с полгода – и в загс. Перебралась молодая жена в комнату к мужу, и тут поперла ее родня. То мамаша, прости господи, то сестра. То кума с кумом, то шурин, то деверь. В тонкостях этих Любочкин не разбирался, а вот родня достала – хуже некуда. И весь этот шабаш – на одиннадцати метрах. Своих, почти кровных.

И началась ругань. Светка, жена, хоть и дохлая, а как взревет – как сто паровозов. Не перекричишь, не пытайся. Он ее спрашивает:

– Кто тебе ближе – муж или родня?

А она отвечает:

– Родня! Даже не сомневайся! Муж сегодня один, а завтра другой. А мама с кумой – навсегда.

Ладно, жили. Плохо, но жили. А спустя два года родилась Дашка. Любочкин сам удивился – и как она родилась? В хате всегда балаган, народ под ногами валяется, до сортира не дойти – через головы переступаешь. А вот поди ж ты! Правда, как родилась, родня схлынула. Кому охота не спать? А Дашка была голосистая, в мать. Как заведется – святых выноси. Только теща держалась и под ногами путалась – дочке приехала «подмогнуть». Правда, хоть пожрать в доме было. А Светка совсем с ног валилась, еще похудела, смотреть противно. Мотыга, одно слово. И злющая! Дашка орет, и Свет-

ка орет – кто кого перекричит. Стал тогда Любочкин «зависать». То у приятеля случайного, то во дворе. Постучишь с мужиками костяшками – вроде отпустит.

Жили со Светкой как кошка с собакой – только что не дрались. Все ей было не так – денег мало, комната узкая. Любочкин – дурак набитый. Спал теперь он в коридоре – хорошо, хоть Валидка не возражала. Жалела его.

Потом к Валидке приехал жених – тот, кудрявый. И дали им комнату получше и без «такой соседки» – это она про Светку сказала.

Тут Светка совсем ошетибилась и стала Валидкину комнату под себя пробивать. Все справки достала: ребенок-аллергик, она сама – почти инвалид. Мать-старушка и муж пьяница. Письма строчила – до Совета министров дошла. Так всех достала, что комнатку им дали – только б отстала.

Отселила в комнатку маму и Дашку, а Любочкину сказала:

– Вот теперь будем налаживать семейную жизнь.

И так плотоядно облизала губы, что Любочкин вздрогнул и испугался.

Не наладилось. Не смог простить Любочкин Светкиных оскорблений. Развелись. Теперь Любочкин жил в Валидкиной комнате, а теща со Светкой и Дашкой – в его.

Тяжко, конечно, было. Светка – баба стервозная. Хахаля завела и в дом приводить стала. Любочкину вроде и наплевать, а неприятно. Теща на кухне жаркое тушит, запах –

по всей квартире! А он пельмени наваривает. Ладно, что делать, переживем. Главное – Дашку против него настраивают. И бабушка, и Светка. Папаша, говорят, твой – говно последнее. Ну и так далее. Дашка на него не смотрит – малая, а уже презирает.

Помыкался Любочкин – и снова женился. Теперь искал женщину добрую и веселую – как Валида. Ну, и чтоб готовила, конечно. Наголодался.

Ее звали Раисой. С виду – хорошая. В теле. Он тогда думал, что тощие – злые. Как его Светка. Раиса была степенной, грудастой – видная такая женщина, спокойная. Да еще и с жилплощадью – вот повезло! Хотя, честно говоря, это был пункт не последний. А куда деваться? К себе жену приводить? Чтобы Светка ей патлы повыдергала? Это она обещала: приведешь кого – удушю!

Раиса Петровна была старой девой – ну, так говорили. Всего тридцать два, а уже старая дева. Смешно. Просто женщина серьезная, абы кто ей не нужен. Квартира была у нее однокомнатная. Работала Рая в сберкассе – на коммунальных, как сама говорила. Дело серьезное, деньги.

В доме аккуратистка. Все по полочкам, не придерешься. Носки и те гладила! Совсем смешно. Обед на плите – суп на два дня, второе на каждый. Компот из сухофруктов. Жена!

Сначала Любочкину все нравилось – просто балдел. А потом... Порядок этот... платочки носовые по цвету, тарелочки стопочкой, чашечки в ряд. Подушки на диване – одна

сползет, Раиса бросается поправить. Чокнешься. Не орет, а спокойненько так: «Николай! Опять плохо вымыта чашка!» Или так: «Николай! Ящик для грязных носков – на балконе. В ванной – негигиенично».

«Негигиенично» – любимое слово! Вроде бы что человеку надо? Рубашки поглажены, носки тоже. Компот. Белье аж скрипит, поворачиваешься – тело колет, так накрахмалено.

В субботу – по магазинам, под ручку. А там – по списку. Масло – столько-то, кура, картошка. Яблоки – чтоб желудок работал. Полезно. Сироп из шиповника – утром ложка, на ночь – медок. Для спокойного сна. И еще была у нее одна страсть. Одно, так сказать, хобби. Раиса вязала. Но не из ниток, нет. Из чулок. Из старых чулок вязала мочалки. Длинные косы. А потом всем дарила. А однажды он углядел, что эту мочалку она вынимает из своей башни – той, что крутила на голове. Вынула ее, эту чулочную косу, и в комод положила. Он комод приоткрыл, и его чуть не вырвало.

И такая тоска... Глаза на Раису не смотрят. А она – про супружеский долг. Два раза в неделю – по расписанию. Среда и суббота. Тут он взорвался:

– Какое там, Рая, расписание? А если устал, допустим, вот в среду? Или хочу в понедельник? Желание вдруг появилось?

Возражал. Спорил. Сопротивлялся. Снова стал зависеть у дружков. Жаловаться. Не складывается, мол. Никак не идет. Такие дела. Опять спешил на «козла» во дворе и в префе-

ранс.

А она, благоверная, губки подождет и говорит ему со вздохом:

– Зеленый ты помидор, Любочкин! Упал с ветки и в траву закатился. Вечнозеленый. И никогда уже не созреешь. Потому что нету в тебе сознательности. И благодарности нету. Я тебе – и то, и се. Другой бы молился! Что женщину порядочную на жизненном кривоватом пути своем встретил. А ты – все туда же. Пивко, картишки, дружки. Грустно мне на тебя смотреть, Коля. Грустно и больно. Обидно даже!

– А вы не грустите и не обижайтесь, – отвечал Любочкин, переходя с ней почему-то на «вы».

Тогда она садилась у окна и принималась плакать. А плакала она странно – как курица клехтала. Кудахтала так. И булькала еще. Смешно, хоть удавись...

Не было жизни, опять не было... А однажды она заявила: – Давай, Коля, заведем ребенка. Ну, для сплочения, так сказать, семейной жизни.

– Заводят котят, – огрызнулся Любочкин.

И как представил... Мама дорогая! Совсем помешается – пеленки в ведре кипятить, проглаживать, кашки детские нюхать. Вопли опять, скандалы... Не, не пойдет. Сваливать надо!

Курил на балконе и думал: «Вот жизнь! Хорошая вроде женщина. Порядочная. Положительная, можно сказать, во всех смыслах. Хозяйственная, чистоплотная. Готовит вкус-

но. Не скандальная, вроде Светки, спокойная. С жилплощадью опять же. А жизни-то нет! Нет жизни – вот хоть убейся. И любви тоже нет. Может быть, все дело в этом?»

Может, бог его наказал, что по расчету? Так ведь не по расчету – по трезвой, как говорится, голове. С умом ведь женился. А толку? Подошел к кровати – спит. Спокойно, руки сложила на пышной груди, косица лежит на плече. Лоб и нос от крема блестят. Ночнушка вся в кружеве. И дышит спокойно и ровно. Совесть у человека чистая. Не то что у него, у Любочкина. Не совесть, а рана глубокая.

«Сваливать надо, – с тоской подумал он, – а куда? К Светке и Дашке? Не пустят. Да и самому туда – уж лучше в могилу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.